

Яба сонно приоткрыл веки. Не высывая носа из-под одеяла, он лениво наблюдал за пылинками, снующими в солнечных лучах. Стрелки на циферблате показывали половину первого – священный час для работников офисов, выдохнувших после утреннего аврала, определиться с обеденным меню. Поздние пробуждения Яба не любил. Это означало проснуться в одиночестве, но ещё сильнее он ненавидел то, что Ча И Сок уходил на работу один.

Яба сухо кашлянул. Скрежещущая боль раздирала его горло. В голове пронеслись обрывки вчерашних событий – яркие и тяжёлые. Тело умоляло о глотке тёплой воды. Он сбросил одеяло, нехотя поднялся с постели. ...И на что-то наступил. Яба поддел носком нечто полупрозрачное. Оно напоминало скинутый чулок, который всё ещё помнил объём носившей его ноги.

Похоже, эта зловредная тварь, которая со вчерашнего вечера скромно отсутствовала, наконец-то завершила своё грязное дело. Яба с омерзением отшвырнул шкурку и потёр ногу о край кровати. И в тот же миг из полумрака гардеробной, изгибаясь по идеальной синусоиде, выплыла коварная муза всех его кошмаров – та самая тварь. На жёлтое тело налипли опилки, которые вскоре образовали аккуратную кучку вокруг ног Ябы. Так проявлялась новая причуда рептилии, и, что любопытно, к Ча И Соку она относилась с большей подозрительностью.

Освежившись после линьки, существо стало ещё более стремительным. Чешуя, которая недавно казалась тусклой, теперь лоснилась, а ромбовидный узор проступал особенно чётко. Тварь двигалась, подталкивая прозрачную шкурку к ногам Ябы. Потом вдруг подняла голову и неподвижно уставилось на него. Красные глаза словно пытались передать какое-то сообщение. Была ли это провокация или она просто смотрела – отсутствие малейшей мимики делало её намерения нечитаемыми. Вот уж действительно: скажи, кто твой хозяин, и я скажу, кто ты.

Рукавом свитера Яба потёр ногу, в том месте где её касался змей. Хладнокровное создание снова подпихнуло выползок головой и водрузило его на подъём ступни. Нечисть уставилась на Ябу снизу вверх своими красными глазами, будто говоря: «буду приносить снова и снова, хоть расшибись». Говорят, змеи сбрасывают кожу раз в несколько месяцев и во время процесса некоторые даже умирают. Чтобы обновить тело, они подвергают себя опасности. Но, раз уж рискнул жизнью ради этой шкуры, почему бы не сложить её аккуратно у себя в гнезде, или не повесить на стенку в своей комнате, а не перекладывать её на других.

Яба нахмурился.

Неужели, он хвастается?..

Вдруг он пришёл в себя:

«Дожил. Пытаюсь понять еду. Когда ужин смотрит на тебя осмысленно – возможно, проблема не в ужине».

В комнату вползла самка. Она потёрлась о своего возлюбленного и обвила его за, так сказать,

шею. Тот свирепо зашипел и ударил её по голове. Но невеста проявила настойчивость. Пока жёлтый гад под натиском самки отступил в гардеробную, Яба проворно захлопнул дверь.

Он подцепил кожуцу шариковой ручкой и отбросил подальше.

Яба вспомнил вчерашний день и раздробленную руку Ча Мён Хвана. Задаваясь вопросом, как он там, Яба решил отправить сообщение. Но потом в голове промелькнул момент: Мён Хван вонзает стекло в бедро И Сока. Поэтому Яба передумал.

Точно! Рука сама потянулась к паху – нужно было срочно удостовериться, что с яичками всё в порядке. Он проверял их вчера на рассвете и всерьёз беспокоился, не случилось ли чего пока он спал. Одним движением он спустил штаны вместе с трусами. Вооружившись ручным зеркальцем, тут же присел на корточки. Поймав удачный угол, он их увидел. Яба принялся проверять со всех сторон, нет ли разрывов или смещения. К невероятному облегчению, яички были целы. Да уж, повезло, что Ча И Сок прошлой ночью проявил несвойственную ему деликатность. Собрался уже выдохнуть с облегчением, как вдруг...

Он не ожидал, что дверь в спальню откроется. Уж тем более не думал, что Ча И Сок мог оказаться дома. Увидев Ябу, сидящего на корточках с зеркальцем под голой задницей, Ча И Сок замер в дверном проёме с кружкой в руке. В комнате повисла такая тишина, что было слышно как поднимается пар от напитка. Яба поспешно натянул штаны и поднялся. Он чувствовал, как его уши пылают от стыда.

Ча И Сок поднял бровь и таинственно усмехнулся. Он подал Ябе тёплый грушёвый сок, так как горло болело после вчерашних событий. Тот принял кружку и осторожно подул на поверхность. Напиток был идеальной температуры, сладость – в меру, консистенция – не слишком густая и не водянистая. Такой баланс мог найти только эксперт по его предпочтениям. Немой мученик простил дикарю все ночные безумства.

Ча И Сок наблюдал, как Яба пьёт грушёвый сок. Тот покосился на него. Директор Ча был в худи цвета хаки и поношенных джинсах – просто и непринуждённо. Волосы, обычно зачесанные назад с воском, теперь свободно спадали на лицо. На крепкой шее проступал синяк, похожий на свежую татуировку. Присутствие Ча И Сока дома в разгар рабочего дня вызывало вопросы, однако больше волновало, откуда у него эта отметина. Яба поставил кружку на столик, взял его за запястье и повёл в гостиную.

Он усадил Ча И Сока на барный табурет, принёс пакет со льдом и приподнял подол худи. И Сок послушно поднял руки. Вид обнажившегося торса заставил Ябу застыть с компрессом в руках. Шея, плечи, грудь – всё тело покрывали багрово-чёрные полосы, будто под кожей проползла змея, оставив зловещий след. Зрелище было столь мучительным, что вынести его Ябе удалось с трудом. Он приложил лёд к тёмным отметинам. Мужчина по-детски сморщил нос.

«Ничего. Потерпи – скоро пройдет».

Яба смягчил взгляд, пытаясь его успокоить, и продолжил начатое. Тот потянул Ябу к себе,

обхватив бёдрами. И вот так, находясь на предельно близком расстоянии, Ча И Сок смиренно отдался в руки Ябы.

С силой вдавливая палец, Яба вывел на его ладони:

[Кто это сделал?]

- Председатель Ча. Тебе надо его проучить.

Как и ожидалось. Яба покачал головой и снова начертил на ладони:

[Раз всё так плохо, чего ты прохлаждаешься? Чтобы очистить репутацию, надо ещё больше показывать усердие]

- У меня встреча в два часа.

[С кем?]

- С Лим Джин Хи.

[Кто это?]

- Ассистент профессора Кана.

[А профессор Кан это кто?]

Ча И Сок помолчал, прежде чем ответить:

- Отец Кана Ги Ха.

Это имя прозвучало как удар грома.

Яба терялся в догадках: то ли такова расплата за его вчерашнюю выходку, то ли Синяя Борода снова начал подозревать и решил задействовать имя Кана Ги Ха в своих уловках.

Не находя слов, Яба сжал широкую ладонь Ча И Сока, а затем впился ногтем в загрубевшую кожу на внутренней стороне среднего пальца - то место, о котором знал только он.

Не в силах вынести давящую тишину, Яба поднял голову. Когда эмоции исчезали с лица

директора Ча, пропадала и хулиганская ухмылка, и ребячество. Остался только настоящий Ча И Сок, непроницаемый и недоступный. Яба бросил попытки понять его замыслы.

Внезапно Ча И Сок схватил его руку и прижал к своей груди.

- Я твой.

Монолог заполнил голову Ябы, вытеснив все другие мысли:

- Можешь делать со мной всё что угодно. У тебя есть полное право.

Пальцы Ябы, лежавшие на широкой груди, подрагивали. Он замер под леденящим взглядом, точно под сталактитами, готовыми обрушиться в любой момент.

- Но голос - только для того, чтобы говорить. От прочих эффектов нужно отказаться. Если захочешь большего, то я заставлю тебя горько пожалеть о том, что вообще связался со мной.

Ядовитый голос звучал мрачно:

- Запомни. В решении проблем я всегда выбираю методы, недостойные человека. Мне так проще.

Ча И Сок разрывал ему сердце, вливал кипящее масло, одновременно залечивая раны. Такая забота и такая жестокость...

Местом встречи выбрали чайную в традиционном стиле. Она находилась на тихой улице вдали от городской суеты. На пороге Яба встряхнул зонтик. Дремавшая хозяйка встрепенулась и засуететилась, приветствуя гостя. В зале сидели всего два жалких посетителя. Декор давно покрылся слоем пыли, в такой убогой обстановке иначе и быть не могло. Именно здесь певцы-кастраты собирались, чтобы скоротать время. Всюду, куда бы они не пошли, их взрослая внешность в сочетании с подростковыми голосами привлекали всеобщее внимание. Поэтому, чтобы скрыться от любопытных взглядов, они находили пристанище в этих стенах.

Яба устроился у окна. Снова пошёл дождь. Его звук напоминал клцанье зубов. Капли, похожие на головастики, вытягивая хвосты, сползали по стеклу. С потускневших зданий вода стекала ручьями. Промозглая сырость воплощала нынешнее настроение Ябы.

Ча И Сок хотел войти вместе с ним, но Яба отговорил его. Тот теперь ждал в машине. Яба решил не спрашивать, как он узнал о существовании ассистента и раздобыл контакты.

По дороге они купили новый телефон и планшет для записей. Тесный дисплей прежнего телефона, вынуждал писать крошечными буквами. Новое же устройство, размером с блокнот, дарило пространство, где мысль обретала свободу и размах. Ещё один пункт в списке долгов. Отдал ли Ча И Сок свою машину швейцару или что-то с ней сделал, но сегодня она была другого цвета.

Яба безостановочно пил воду, которую ему приносила хозяйка заведения. Во время операции на яичках он волновался сильнее, чем когда удаляли чип. Но сейчас его волнение превосходило все его предыдущие испытания. Он ни на секунду не сомневался: этот незнакомый ассистент – некто куда более грозный, чем доктора.

Правда ли, что восстановление стёртых воспоминаний, как сказал Ча Мён Хван, даст ключ к возвращению голоса? Тогда что будет с жизнью Ча И Сока?.. Сирена не отдаст свою добычу так просто, вряд ли вернёт Ябе голос. Он шёл на встречу с этим ассистентом не за новой надеждой, а чтобы покончить с призраками прошлых событий.

В чайную вошла женщина с добродушным выражением лица. Их взгляды встретились, когда она складывала у дверей зонтик. Отряхнувшись и сжимая в руках платок, она медленно приблизилась. Яба ожидал увидеть человека пожилого, однако она выглядела ровесницей Ги Ха.

- Вы, случайно, не Чжан Се Джин?

Яба кивнул. Движением подбородка он указал на стул напротив, приглашая сесть. Отодвинув стакан с водой, он положил перед собой электронный блокнот. Как только Лим Джин Хи заняла место, Яба сразу же предупредил: он будет говорить с ней на «ты», и возражения не принимаются. В целях экономии сил лучше сразу принять это условие. Женщина смотрела на него с жалостью и, похоже, успела сделать свои выводы.

- Понимаю, сохранить адекватность, обладая такой силой, было бы страннее. Тогда я тоже буду «на ты». Вы выглядите намного моложе меня.

Так они договорились перейти на неформальное общение и перешли к следующему этапу. Однако, оказавшись лицом к лицу, оба растерялись, не зная, с чего начать. Похоже, Лим Джин Хи тоже испытывала неловкость.

- Я удивилась, когда поступил ваш звонок. Вы не первый, кто связался со мной, чтобы узнать про целителей. Это озадачивает.

Яба кратко написал:

[Кан Ги Ха?]

- Нет, у господина Кана Ги Ха голос идентичен голосу профессора, я узнала бы его. Звонивший был моложе, с чистым баритоном, который звучал немного сонно... Месяц назад, кажется... Он не представился.

[О чём он спрашивал?]

- Ну... Он спрашивал о продолжительности жизни целителей, о методах сохранения голоса, о мерах предосторожности... А, и ещё, можно ли лишиться голоса без возможности восстановления.

Перебирая в уме всех, кто мог позвонить Лим Джин Хи помимо Ги Ха, Яба внезапно застыл. Того человека интересовало не то, как вернуть голос, а как навсегда его лишиться... Его осенило, кому мог принадлежать тот сонный баритон. Ча И Сок уже выходил на связь с Лим Джин Хи месяц назад.

Её глаза бегали. Она теребила платок, смотрела то на Ябу, то в свою чашку с кофе и не могла задержать взгляд на чём-то одном. Её нервозность вызывала раздражение.

- Так, какого ты типа? Аглаофема, Телксиопа или Лигейя? Это три типа целителей, обладающие разной силой.

[Кажется, Аглаофема. Я исцелил человека, с которым жил, когда он взбесился и порезал себе горло. Потом вылечил змею, разрубленную пополам.]

- Ранее, господин Кан Ги Ха говорил, что у него есть Телксиопа. Значит, помимо тебя есть ещё один целитель?

[Наверное. Я ничего не знаю.] - написал Яба и замолчал.

Молчание затянулось. Яба решил, что лучше закругляться и скорее убраться подальше от неприятной собеседницы. Снова взял блокнот-планшет и подытожил: он - целитель, однажды воскресил мертвеца и после этого потерял голос. Яба развернул блокнот и подвинул к Лим Джин Хи. Прочитав это, женщина побледнела.

- Ты... воскресил человека? Не тумань, расскажи подробнее. Это не шутка?

Яба коротко кивнул. Глаза Лим Джин Хи расширились.

- Как ты это сделал? Можно встретиться с человеком, которого ты вернул? Не потому, что я не верю, просто хочу услышать всё из первых уст. Значит, те три типа целителей и Абсолютный целитель не могут сочетаться. Хотя... Профессор мечтал найти Абсолютного целителя. Был бы он жив...

Лим Джин Хи сияла и болтала без умолку. Казалось, даже оставив позади должность ассистента, она не утратила интереса к исследованиям профессора. Невыносимо хотелось выдрать из неё этот интерес с корнем. От его ледяного взгляда она тут же пришла в себя. Яба усмехнулся, и, сделав в блокноте запись резко подтолкнул его в сторону Лим Джин Хи:

[Что? Так досадно, что чокнутый профессор не дожил? Теперь не с кем прыгать от радости?]

- Нет... Я просто...

[Из первых уст, говоришь? Тогда пожертвуешь собой, тётя? Столько детей превратили в лабораторных крыс, пора и на их месте побывать. Хотел бы я видеть здесь профессора, как тебя сейчас. Тогда, обоим отстрелил бы бошки, чтобы вы больше не расставались]

Он не владел убийственной силой, но чтобы взорвать голову, крик целителя не обязателен, есть другие способы. Лим Джин Хи отвела глаза. Под упорным взглядом Ябы её бросило в холодный пот. Настал момент отбросить пустую болтовню. Яба снова взял перо и быстро написал. Теперь, когда они поняли друг друга, пора перейти к сути:

[Есть ли способ вернуть мой голос? Врачи говорят, что не знают причину, и я уже отказался её искать.]

- Не уверена. Таких случаев у нас не было... Я не встречала тех, кто воскрешал мёртвых, и даже не знала что при этом теряют голос и силы...

Лим Джин Хи беспокойно крутила чашку на блюдце. Её пальцы дрожали. Рука Ябы в нерешительности замерла над экраном.

[Тогда... Если я верну голос, но без способности исцелять, повлияет ли это на продолжительность моей жизни?]

Лим Джин Хи, которая до этого смотрела в стол как преступница, вдруг подняла глаза. В них вспыхнул интерес.

- Поскольку чтобы продлить жизнь другого человека целитель жертвует своей, то если человек лишившись силы перестает быть целителем, на остаток его жизни это повлиять не должно. Был один случай, когда кастрация прошла неудачно и ломка голоса всё же наступила. Этот парень недавно женился. Когда я его видела, он выглядел здоровым. Профессор тоже не встречал Абсолютных целителей. Я знала о них только по слухам и считала легендой. Большую часть материалов забрали детективы, после смерти профессора. У меня мало что осталось.

Она говорила спокойно, но всякий раз, когда их с Ябой взгляды встречались, она тут же отводила глаза. Это странным образом раздражало. Яба быстро написал:

[Правда ли, что профессор экспериментировал над трупами в поисках Абсолютного целителя?]

Лицо Лим Джин Хи посерело. Ей было неприятно ворошить прошлое, но она держалась стойко.

- Все... эксперименты провалились. Дети пели над телами дни и ночи напролёт, но ничего не вышло.

[Может трупы были недостаточно свежими и поэтому вы не распознали Абсолютного целителя?]

Ответ последовал не сразу.

- Мне больно об этом говорить... Но у нас были тела всех возможных характеристик, с разными причинами и временем смерти. Мы создали для них десятки разных условий, детально всё испытали, но так и не смогли никого воскресить.

Тошнота нарастала с каждым её словом. Вдруг Лим Джин Хи ахнула, что-то вспомнив:

- Да... смутно помню. Профессор что-то подобное говорил когда ставил опыты над детьми, пытаюсь выявить Абсолютного целителя. Он сказал, что после возвращения мёртвого к жизни, голос целителя может пострадать. Но он уверял, что вернул бы его, поэтому для тревоги не было причин.

Пальцы Ябы порхали над экраном, повторяя неистовый ритм его сердца.

[Каким образом?]

- Все дети были целителями. И так же могли лечить себе подобных. В случаях, где медицина бессильна, целитель совершал невозможное.

[И что? Тот парень вернул себе голос?]

- Дело в том... Что тот парень потерял силу, после неудачной кастрации. Но, чтобы теряли голос от пения - такого вообще не случалось. Поэтому доказать утверждения профессора просто нечем. Господин Кан Ги Ха говорил, у него есть ещё один целитель. Возможно, он что-то об этом знает. Спросить бы у него...

[И Кан Ги Ха и Кокаин, оба мертвы]

Глубокое потрясение отразилось на лице Лим Джин Хи. Пусть сила действует между целителями. И даже если это работает, найдётся ли целитель, готовый оспаривать у сирены её

добычу, подставляя собственную шею под нож, и рискуя ради другого? Отбросив лишние мысли, Яба задал самый важный вопрос:

[А если я верну свой голос, что будет с тем, кого я воскресил?]

- Хм... Не уверена. Наверное... всё будет хорошо. Он ведь уже воскрешён, и если не случится болезни или несчастного случая...

[Значит, его жизни ничего не угрожает?]

- Точно не могу сказать...

[Тогда, умрёт?]

- Не обязательно...

[Так, умрёт или нет?]

- Не могу я тебе дать таких гарантий. Я не пророк! Это ведь человеческая жизнь! - не выдержала Лим Джин Хи, но сразу взяла себя под контроль.

- Как я уже сказала... с целителем, способным воскрешать, мы не сталкивались, и информации мало. Как же я могу что-то утверждать, и, главное, как верить тебе на слово?

Эта женщина оказалась абсолютно бесполезной, и отнюдь не была круче докторов, которые изменили жизнь Ябы. Он стёр написанное и быстро набросал новый текст.

[Ах! Ценитель человеческой жизни, который похищал детей и ставил над ними опыты. Ты обязана всё узнать. Иначе, мне нет смысла сидеть здесь и терпеть тебя. Профессор сдох, опыты заглохли. Но ваши преступления остались. Если бы не ты, мы не встретили бы такого уродца, как Ги Ха, и наша жизнь не была бы такой собачьей. Ты помогала своему шефу-психу, ты должна ответить и за свои и за его дела]

Если бы тот безумный профессор не явил миру существование целителя, то Яба стал бы парнем с обычным голосом. Ча И Сок не превратился бы в Синюю Бороду. Единственная заслуга того безумца и его фанатки лишь в том, что Яба разорвал удушающую связь с Чжан Се Джуном и встретил Ча И Сока.

Лим Джин Хи молча смотрела в экран. Губы, тронутые морщинками, задрожали, а затем искривились. Слезы закапали в чашку с чаем и на стол. Она накрыла рот платком и зарыдала.

- С тех пор... мне ни разу не удалось спокойно уснуть... Я переступала границы человечности. Тогда, даже просто проходя по улице... стоило мне увидеть мальчика... я теряла рассудок и жаждала проверить его голос. Хн.. Хн-н... Хотя бы перед тобой я хочу извиниться. Надо было остановить профессора, но мою голову переполняли безумные идеи. На протяжении десяти лет не проходит и дня... чтобы я не думала о тех детях... Хн-н... Хн-н...

А эта женщина обладала поистине хорошим чувством времени. Повстречайся она Ябе до того, как он стал немым мучеником, из её горла уже торчали бы осколки чашки. Суставы пальцев, сжимающих стилус, побелели. От экрана веяло гневом, который уже созрел и готов был лопнуть. Он совершенно ясно знало одно: его голос – ничтожная цена за жизнь Ча И Сока и на эту сделку он согласен без сожалений.

[Если я верну голос, значит ли, что тот человек умрёт? Отвечай!]

- Прости меня. Пожалуйста, прости...- произнесла она в конце разговора.

Её извинения, вероятно, предназначались не только Ябе. Лим Джин Хи с трудом подавила рыдания и, пообещав всё выяснить, ушла. С самого первого момента, как Яба её увидел, она вызывала у него неприязнь. И не только потому, что она помогала профессору.

Дело было в её глазах, уставших от чувства вины. Её запястья испещряли следы от лезвия. Такое клеймо носят лишь те, кто не в силах простить себя. Именно поэтому Яба понял её с первого взгляда. Увидел перед собой тот самый бесконечный туннель боли и изнурительного самоотвращения.

[Ладно. Просто живи по-людски.]

Яба простил её с лёгкостью, ведь она искренне раскаялась. Как оказалось, простить другого – сушая мелочь, когда ты уже сумел простить себя.

Когда он вышел из чайной, на землю обрушился ливень. Сквозь мутную пелену проступали очертания чёрного автомобиля. Его дверь открылась. Тяжело ступая по лужам, к Ябе направлялся мужчина, который одинаково уместно смотрелся бы и на улице красных фонарей и под тонкими стрелами весеннего дождя.

Ча И Сок быстро усадил Ябу на переднее пассажирское сиденье.

Только тогда тот понял, что зонт остался в чайной.

Ча И Сок, обошёл машину и устроился за рулём. Он осторожно промокнул платком мокрые волосы и лицо Ябы, а затем уставился на него. Настойчивый взгляд требовал ответа.

Встреча с Лим Джин Хи ничего не дала. Никаких зацепок. Он чувствовал себя птицей, что вернулась в гнездо с пустым клювом, не сумев добыть ни единой букашки для своего птенца. Та же досада и опустошение внутри. Между целителями, возможно, и сработало бы... В мире был единственный целитель, которого он знал. Но это всё равно, что не знать ни одного.

Для ответа на немой вопрос Ча И Сока, не требовался блокнот. Яба нехотя помотал головой. Взгляд Ча И Сока погас, словно последний отсвет заката, поглощённый безграничной тьмой. Но вместе с ним ушла и тревога - словно долгая борьба наконец завершилась, пусть и не победой.

И лишь тогда Ябу почувствовал будто в груди наконец отпустила пружина. Он пытался удержать внутри себя прилив отчаяния и облегчения, что грозил выплеснуться наружу. Ему всё-таки пришлось достать из-под мышки электронный блокнот.

[Ты пойдешь на работу?]

- Ну... время уже... ни туда ни сюда. Может не ходить?

Яба кивнул, словно в заключение той пламенной речи о работе, которую выдал утром. Он знал, что не вынесет этот день в одиночестве.

[Купим сладостей? Я недавно карточку нашёл]

Ча И Сок недовольно цокнул языком: его телефон трезвонил, не переставая. Он отвечал на каждый вызов, отделялся парой фраз и тут же бросал трубку. Обычно он владел собой куда лучше. То, что его напряжение так бросалось в глаза, говорило о серьезной проблеме. На протяжении всех разговоров, Ча И Сок, положив одну руку на спинку сиденья Ябы, игриво накручивал его волосы на палец. Потом пощекотал прядью его кончик носа.

Когда наконец звонки закончились, Яба достал из кармана пластиковое удостоверение и протянул Ча И Соку. Тот долго его рассматривал.

- Симпатичный.

По губам Ча И Сока скользнула прозрачная улыбка. Пристальный взгляд напротив всматривался в глаза Ябы, пытаясь понять его мысли. Веки Ябы начало припекать - знак надвигающихся слёз, которые он изо всех сил пытался сдержать.

На сегодня миссия Ча И Сока как водителя завершилась. Яба тайно подсчитывал время его сна и знал, что он не набирает больше двух часов в сутки. И так - два с лишним месяца. Яба набросал сообщение в блокноте и сунул под нос Ча И Соку.

[Поезжай по своим делам. Я возьму такси]

- Ты посмотри на него! Думаешь я смогу сейчас тебя одного оставить.

Ча И Сок включил зажигание. Автомобиль двинулся сквозь дождь. Из-под шин взлетали водяные веера, а Яба сидел и думал, как хорошо было бы, открыв дверь, шагнуть в этот поток и раствориться.

Выйдя из машины, Яба побрёл разбрызгивая лужи под ногами. Ча И Сок довёл его до парадного входа и отправился на работу. Яба настоял, чтобы тот ушёл, хотя Ча И Сок упрямылся и отказывался ехать в офис.

После сегодняшней встречи вместо ясности Яба ощутил лишь тревогу и пустоту в душе. Даже если бы помощницей и подсказала какой-то способ, он врядли воспользовался бы им. Ведь сохранность жизни Ча И Сока будет под вопросом. А в таком случае, Яба решил остаться немым навсегда. Это осталось неизменным. Ветер всё ещё хватал прохожих холодными пальцами в последней попытке удержаться перед наступающим новым сезоном. Земля затаила дыхание в ожидании тепла, но под покровом обманчивой тишины кипели неистовые процессы преобразования.

Его плечи продрогли, и он инстинктивно обхватил себя руками. В этот момент раздался звонок. ...От человека, с которым он только что попрощался.

- Что делаешь? - в трубке прозвучал измождённый, охрипший голос Ча И Сока.

Яба ответил текстом:

[Стою на улице. А ты?]

— Да вот, с тобой болтаю, пока светофор не переключился, - сказал Ча И Сок и, помолчав немного, добавил, - Что-то почерк у тебя понурый.

[Мне так не кажется]

- В твоём нажиме нет силы.

«Если так пойдёт и дальше, - подумал Яба- дойдёт и до того, что Ча И Сок возьмётся и за отпечатки пальцев».

Ябе вдруг почудилось, что за ним наблюдают, и он огляделся. Машины Ча И Сока нигде не было видно. Он уже хотел отвести взгляд, но вдруг замер, перестав дышать. Стук в висках нарастал, превращаясь в барабанную дробь и поднимая хаос в голове. Кровь остановилась.

Вдали, на аллее жилого комплекса, мелькнул знакомый силуэт. Яба видел его со спины.

Человек шёл под дождём без зонта. Сгорбленные плечи, коротко и аккуратно подстриженные волосы... Чжан Се Джун...

«Нет, не может быть. Это не он».

Сжавшееся в комок сердце снова забилося с оглушительной силой. Яба не мог пошевелиться. Стиснув телефон, он проводил глазами удаляющуюся фигуру. Вскоре мужчина скрылся за углом дома.

- В чём дело?

Но страх парализовал Ябу, и он не мог вернуться к реальности.

.- Что там? Се Джин! - строгий голос привёл Ябу в чувства.

Из телефона прямо в уши ударил звук тормозов. Вслед за ним донёлся визг шин, буксующих на асфальте.

Яба успел отправить сообщение, прежде, чем тот бросился к нему. Кончики бледных пальцев дрожали:

[Ничего, просто с кем-то столкнулся]

- Хух... - В трубку хлынул густой тяжёлый вздох. - Запомни лицо этой скотины, - пробубнил он.

Успокоив его, Яба завершил звонок. Он снова посмотрел туда, где видел мужчину. Поблизости ходил только охранник. Сердце по-прежнему бешено колотилось. Неужели у него паранойя?.. Ведь это не то место, где Чжан Се Джун мог бы свободно разгуливать.

Он решил сделать вид, что никого не видел. Списал всё на стресс от встречи с ассистенткой профессора, к тому же шёл дождь.

Успокоившись, Яба развернулся.

- Пси-и-и-их!

От резкого оклика ухмылка Ябы сползла с лица. Он решил, что ему послышалось. В этом доме никто не окликнул бы его так. Ни охранник, ни соседи, которые смотрели словно сквозь него.

Яба повернул голову в сторону крика. Вдалеке кто-то прыгал и размахивал руками. Это были Морфин и певцы-евнухи. Когда Морфин попытался пройти за ограду к парадному входу, два

охранника стремглав бросились к нему. Крепкие парни без труда заблокировали проход трём посетителям.

- Вы с ними знакомы? – спросил охранник у Ябы.

Хотел бы Яба притвориться, что не знаком. Но его бывшие соседи, пойманные охранниками, напоминали жалких дворняг, не евших несколько дней. Яба сам не знал, чего хочет сильнее: пнуть или пожалеть. Он с недовольным видом кивнул охраннику, чтобы их отпустили. Певцы-кастраты тут же окружили его. А Морфин принялся галдеть что есть мочи.

- Я тебе вчера обзвонился! Почему не взял трубку, мы уже заволновались? Ты же не избегаешь нас?

Похоже, он позвонил как раз тогда, когда телефон разбился из-за прихвостней Ча Мён Хвана. Морфин и евнухи вручили Ябе несколько рулонов туалетной бумаги и моющее средство.

- Это тебе. Мы как бы... не с пустыми руками заглянули.

Яба нахмурил брови.

«Да это же пропитано духом кастратов! Тащить скверну в дом? И речи быть не может».

Пока он стоял, даже не собираясь принимать «гостинцы», заражённые безнадежностью, в голове носились мысли: а не закопать ли все это в безлюдном месте, или, может, забрать моющее средство и рулоны, и выбросить только упаковку.

Мет прошептал Морфину на ухо:

- Подарки принято сначала занести в дом, где твоё воспитание.

- А, да, точно! – громко рассмеялся Морфин, почесывая затылок.

Детский голосок, исходящий от взрослого человека, заставлял прохожих оборачиваться, то ли с любопытством, то ли с отвращением.

Певцы-кастраты с округлившимися глазами были всецело поглощены созерцанием апартаментов. Героин спросил:

- Кстати, ты всё ещё болеешь?

Яба слегка кивнул.

- Надо же, до чего сильный грипп, что ты даже говорить не можешь. Поскорее бы тебе полегчало.

С этими словами Героин и Мет начали украдкой пятиться назад. Морфин последовал бы их примеру, однако интерес к одежде Ябы не дал ему этого сделать. Под видом дружеского похлопывания он с почти магической ловкостью ухитрился заглянуть к нему за воротник и прочесть бирку. И коротко ахнул.

Прежде чем заговорить с кем-то, Морфин всегда «сканировал» его одежду: бренд, подлинность, цену. Для него это было так же естественно, как дышать. Мысленно расставив галочки в своём контрольном списке, этот подхалим просиял фальшивой улыбкой и фамильярно повис у Ябы на плече.

- Ну хватит, хватит! За чаем наболтаемся! Ты где живешь-то, какой подъезд, квартира? Ох-х, вылез из своей каморки, а тут простора сколько!

Яба оторвал от себя его навязчивую руку Морфина. Тот одарил его взглядом волка, попавшего в капкан.

- Это что же? Я думал, ты обрадуешься, а ты меня даже на порог не пускаешь?

Яба подбородком прижал зонт к плечу и достал электронный блокнот.

Заслонив рот ладонью, Морфин ловко подобрался к Ябе и укрыл его своим зонтом. Яба торопливо набросал несколько слов и протянул ему:

[Как вы нашли это место?]

- Кокаин вроде бы говорил, что директор Ча живёт где-то здесь.

Все нервы мгновенно натянулись.

[Еще не помер?]

- Ну ты даёшь! Хоть бы постеснялся. Но вам, психам, конечно, всё равно, хе-хе...

Морфин вёл себя крайне бесцеремонно, тыкаясь лицом в щёку Ябы, словно они закадычные друзья. От такой «дружбы», что и перед гриппом не пасует, воротило до судорог.

«Достаточно сменить район на попроще, а костюм на подешевле - и этот тип перестанет меня узнавать», - подумал Яба и оттолкнул от себя прилипалу Морфина.

В лобби было полно народа, а на парковке воняло битумом. Присмотрев наконец укромный уголок, Яба потянул за собой навязчивую «обузу». Остальные заковыляли следом.

- Когда мы приходили на консультацию... Ты по той же причине там был? Ну, рассказывай, что там и как. Кстати, через неделю мы получим удостоверения личности. Псих, ну а ты? В прошлый раз мы не смогли нормально поговорить, я потом не мог ни есть ни спать.

Голос Морфина оглушительно звенел на всю детскую площадку. Дождь, слабо шуршащий по белой террасе беседки, поредел и вскоре полностью стих. Певцы-кастраты вели беззаботную болтовню, но украдкой поглядывали на область паха Ябы, выдавая с потрохами свою зависть и комплекс неполноценности. Морфин, не умолкавший ни на мгновение, вдруг понизил голос:

- Кстати, псих, ты правда живешь с исполнительным директором Ча? И давно?

Яба не хотел с ними видаться, в том числе и потому, что ждал подобного вопроса. Морфин, как истинный представитель ушлого отребья, уже строил в голове всевозможные комбинации, которые к этому привели. Яба взглядом дал Морфину понять, что ответа не будет.

- Ну.. отвечать... не обязательно, - отозвал он свой вопрос, сконфуженно хохотнув.

Сменив тактику, Морфин вдруг принялся надрывно вздыхать, уставившись в пасмурное небо.

- Какой смысл ходить на консультации, если денег всё равно нет? Только обрадовался, что босс сдох и мои огромные долги списались! А теперь его ублюдки каждый день ко мне ломятся и требуют вернуть долг, ну что за херня?! Трясут перед носом своими ножами, как с ними поспоришь!

Мет выпятив губы стал отчитывать Морфина:

- Продал бы половину своего люксового барахла, и на операцию хватило бы!

- Да ты с ума сошёл?! Какой родитель продаст собственных детей, пусть и с голодухи! - возмутился Морфин.

Героин вздохнул:

- За всю жизнь не смогли скопить хоть сколько-нибудь. Чем мы всё время занимались...

- И как мы могли бы копить? Тот говнюк обирал нас до нитки. Парадисо уже закрыт, кто захочет брать нас на работу, ведь мы ничего не умеем, кроме пения. Хоть бы от чипа избавиться, но ни страховки ни сбережений нет - что уж там говорить об операции. Остаётся надеяться, что деньги с неба упадут.

Мет продолжал тихонько но настойчиво читать мораль:

- Героин, тебе бы не билеты лотерейные покупать, а работу найти. Здоровый мужик, все конечности на месте. Должен пользу приносить, а не чепухой маяться.

- А сам-то? Такой полезный, когда сутками в интернете сидишь!

После упрёка Героина Мет совсем поник. Певцы-кастраты, привыкшие к насилию и пассивной жизни, растерянно метались, не зная, как распорядиться свалившейся на них свободой.

Хотя они и не вылезли из долгов, по сравнению с былыми временами, когда каждый шаг отслеживался и они могли двигаться только в пределах отведённой зоны, они пережили колоссальный прогресс.

Они могли разгуливать по улицам, но в их головах по прежнему находилась бомба, так что о полной свободе говорить не приходилось.

По иронии судьбы, «Парадизо», который изолировал певцов-кастратов от мира, стал их единственной защитой. Большинство росли сиротами. Те же, у кого родители были, не знали ни заботы, ни ласки.

Не попадись они Кану Ги Ха, жизнь наверняка нашла бы иной способ лишить их будущего и пустить по миру. В какой-то момент смысл слов потерял значение, вместо этого Яба безотчётно вслушивался в незрелые, не сформировавшиеся голоса, которые так ненавидел. Он завидовал.

Внезапно ледяной ужас охватил его разум: он услышал то, от чего кровь стыла в жилах.

- Конечно, директор - мразь, но ещё мерзостнее - тот гад, который ему деньги дал! Не сунься он со своим спонсированием, всего этого не случилось бы, и не пришлось бы нам мучиться! - разошёлся Морфин, его компаньоны единодушно закивали.

- Ты серьёзно? Они из одного помёта! Верно говорю, псих?

Внезапный вопрос Героина привёл Ябу в замешательство. А может эти кастраты - братья, которые примчались, чтобы вызволить свою сестру из замка Синей Бороды? Что, если Синяя Борода убивал своих жён именно потому, что ни одна не становилась той верной спутницей, которую он отчаянно ждал?

Если бы чокнутый учёный не проводил опыты на целителях, если бы его дневник не сохранился, и если бы его сын не увлёкся этими целителями... Искать первопричину страданий можно бесконечно. Тайна Синей Бороды хранится в правой подмышке Ябы, а память, утраченная в Нангоктоне - в левой. Между ними есть взаимосвязь, но она не должна

раскрыться.

- В Нангоктоне и Кокаин попал под раздачу. Повредил уши. Повезло, что кто-то быстро отвёз его в больницу и он выжил. Пение ему теперь не светит, и чувак, ясное дело, слетел с катушек. Врачи причину определить не могут и никаких надежд не дают. С тех пор Кокаин не то что петь - говорить не может, лежит в ступоре, и у него то и дело припадочки начинаются. Гашиш, ухаживая за ним, еле на ногах держится. Эх, Кокаин... Неужели он никогда не сможет петь?..

Героин выпрямил спину и добавил:

- Если доктора от него отказались, значит ему придется так жить до самого конца. Хотя словом объяснил бы, где у него болит, не исключено, что нашли бы способ...

Яба полагал, что Кокаин живёт себе где-то припеваючи на деньги фанатов. Помимо Се Джуна, сонмище фанатов Кокаина насчитывало не один десяток известных имён. Но то, что великий Кокаин превратился в живую развалину, не вызвало у Ябы особых эмоций. Он воспринял это просто как факт. Они рассчитались в Нангоктоне, поэтому причин встречаться не было.

Яба двигал стилусом с бесстрастным взглядом:

[К лучшему. Ему больше не надо слушать всякое дерьмо. Пусть живет в тишине и спокойствии.]

Морфин заглянул в блокнот и вспыхнул:

- Так нельзя! Он постоянно о тебе думает, хоть и молчит. Почему люди такие бессердечные!

[Я не бессердечный. Просто, по-другому распределяю свою жалость. Если встречу собаку со сломанной лапой, то обязательно ей посочувствую]

- Для тебя Кокаин хуже собаки?

[Был бы он собакой, хоть пожалел бы его]

- Нарываешься? Не трепи языком! Ты не представляешь, через что он прошёл.

[Это ты не трепи. Лучше вам не знать его истинного лица, иначе вы радовались бы, что теперь он не в себе.]

- О чём ты говоришь? А ну, выкладывай!

Кокаин подговорил Чжана Се Джуна, чтобы тот похитил собственного брата и держал взаперти, а потом и вовсе продал Кану Ги Ха. Образ действий Кокаина был пределом человеческой низости.

[Ладно. Ради вашей дружбы сдержусь.]

- Как я и думал! Придираешься на пустом месте, а сам-то кто? Всегда портил вещи Кокаина, даже списки бронирования рвал! А он, чтобы скрыть твой секрет, терпел унижения и жил с тобой в одной комнате... Бедный Кокаин!

«Жил в одной комнате, чтобы скрыть его секрет? Что за новости?»

Яба нахмурился.

[Какой секрет?]

- Откуда мне знать?

[Отвечай!]

- Сказал же, не знаю. Он даже Гашишу не рассказал, как тот его не упрасивал, а нам - тем более не скажет. Твой секрет - тебе лучше знать.

[Я и спрашиваю, потому что не знаю.]

- Хватит пороть ахинею! Не ври, что не знаешь своих секретов. Да мне уже насрать! Ты и правда конченный псих!

Морфин сжал дрожащие пальцы в кулаки и пнул упаковку туалетной бумаги и моющее средство. Невероятно: Кокаину стал известен неведомый секрет Ябы. Секрет мог быть только один. Яба подозревал, что Кокаин вероятно раскусил, что он целитель. Неужели он хотел скрыть это от Кана Ги Ха, и поэтому согласился жить в одной комнате?.. Но зачем? Поток мыслей упёрся в глухую стену. Он боялся увидеть то, что за ней скрывалось.

- Ну ладно тебе, - успокаивал Морфина Героин. - Это только между ними двоими. Нам и не надо этого знать. Мы пришли сюда не для того, чтобы ссориться.

- Точно, хватит! А то придётся угомонить тебя пинком.

Мет тоже пытался разрядить накалившуюся атмосферу и хлопнул в ладоши:

- Как только Кокаин выздоровеет, запишем совместный альбом. У него ведь много связей. Вчера к нему явился какой-то депутат и требовал песен. А сегодня утром приходил известный артист.

- Да! Эй, псих, ты же присоединишься к нам, когда твой грипп пройдет? У тебя тоже поразительный голос. - оживился Морфин, словно недавняя ссора стёрлась из его памяти.

Мет снова рассудительно сказал:

- Как только Кокаин оправится, мы снова заживём как раньше. Слушайте, ведь босс в последнее время искал нового целителя. Надо нам найти его и вылечить Кокаина?

- Босс сдох, и все нити оборвались.

- Гашиш этим уже занимается. Однажды он своего добьётся.

- Если босс не нашёл с его-то связями, то какие шансы у Гашиша? - проворчал Морфин.

Как перекошились бы их физиономии, узнай они, что тот, кого они ищут потерял свою силу. Даже если бы он обладал этой силой с избытком, ему и в голову не пришло бы лечить Кокаина.

В этот момент Морфин и Героин обменялись взглядами, и тут же с обеих сторон схватили Ябу за руки и поволокли к задним воротам. Он затрепыхался, пытаясь вырваться, но бывшие коллеги лишь усилили хватку.

- Давай быстрее! Давай!

Оказалось, Мет уже успел вызвать такси и махал им рукой.

Ябу волоком подтащили к машине и забросили в салон. Ловко запрыгнув следом, похитители расположились по бокам, перекрыв все пути к бегству. Такси тронулось, не оставив Ябе ни шанса.

- Псих, ты сюда не захаживал, с тех пор как заживо сгорел.

Морфин и проклятые евнухи вышли из такси. Яба забрал карту и чек, протянутые таксистом, и только тогда покинул машину. Верх абсурда: жертва похищения сама платит за свою транспортировку. Никакого терпения не хватит, чтобы слушать стенания Морфина о безденежье, поэтому пришлось достать из трусов карту и расплатиться самому. По лицу водителя такси стало понятно, что он воспринял этот акт крайне неодобрительно.

- Я уже готовил себя к травмпункту, а ты даже не сопротивлялся. От психа не знаешь чего ожидать, - бормотал Морфин.

Ябу уже тошнило от похищений, и излишняя возня только раздражала. К тому же хотелось посмотреть на жалкое состояние Кокаина.

Такси выплонуло облако выхлопа и скрылось. Яба закашлялся и огляделся. Ничего не изменилось. Всё те же потрескавшиеся цементные стены, свисающие повсюду провода и тёмные из-за близости домов переулки. Если повернуть за угол и пройти несколько метров откроется территория завода. Там находился дом для наказаний. То самое место, куда его привёл Кан Ги Ха, где Яба сдал Кокаина и совершил своё первое зло.

Так вот, где они жили. И за эту возможность они так боролись?..

- Проходи. Вот они удивятся!

Морфин подскочил к Ябе и попытался обнять за плечи. Но тот ткнул его в грудь углом пластиковой карты, не давая приблизиться. Затем, бросив свирепый взгляд на дверь, он вошёл. Разозлённый Морфин крикнул ему в затылок:

- Чего ты наглотался? Как можно постоянно молчать!

- Ничего, - успокаивающе бубнил Мет, - зато спокойно доехали. Хороший пассажир - молчаливый пассажир.

Мет вовлёк Морфина внутрь, похлопывая по спине. Яба поднялся по ступеньками и потянул на себя дверь. Голова тут же разболелась от затхлого запаха. Он оттянул рукав рубашки и зажал нос. Несостоявшиеся мужчины повалили следом. Яба ещё раздумывал, снимать ли обувь, как вдруг изнутри послышался звук бьющегося стекла. За ним последовал пронзительный крик, раздирающий слуховые рецепторы.

- А-а-а! Где мой голос! Куда он делся!

- Твой голос никуда не делся. Успокойся. Мы тебя вылечим!

Остальные певцы вздрогнули, но, похоже, они к подобному уже привыкли. Морфин мрачно цокнул.

- Ну вот опять, ну вот и снова... Кокаин какой-то странный, да? Смотри, он так кричит, а голова Гашиша ещё на месте. Видимо, со слухом он потерял и убийственную силу.

Шум отчаянной борьбы продолжался довольно долго. Едва не сорвав дверь с петель, двое,

сцепившихся друг с другом в борьбе, вломились в гостинную.

- С этими ушами что-то не так! Отстань!

Выскользнув из хватки Гашиша, Кокаин перевернул ящик серванта. Быстро нашёл отвёртку и, не раздумывая, попытался вогнать себе в ухо.

- Прекрати!

Гашиш ударил Кокаина по лицу, но тот казалось даже не понял. Он с упорством продолжал тыкать инструментом в ушную раковину. Гашиш, обхватив Кокаина со спины, пытался сдержать его буйство.

Кокаин, потеряв связь с реальностью, отчаянно сопротивлялся, цеплялся за всё подряд, швырял и ломал. Героин и Морфин, не снимая обуви, бросились вперёд и заломили Кокаину руки. Мет с опаской замер у двери. С тремя усмирителями Кокаин совладать уже не смог и окончательно выдохся. Героин убрал отвёртку в задний карман и собрал из ящиков серванта всё, что могло послужить оружием. Разгром в комнате и гостиной напоминал последствия урагана.

- Вставай.

Гашиш поднял обессиленного Кокаина на ноги. Глаза Гашиша округлились, именно он первым заметил Ябу. Кокаин тоже на него смотрел, но пустые глаза ничего не видели, в них не осталось ни искры бывшего достоинства, с которым этот целитель взирал на мир. Одежда на нём порвалась и сползла в потасовке с Гашишем, обнажив фарфоровую кожу. Плечи и руки ещё сильнее исхудали. Казалось бы, после такой яростной борьбы он должен выглядеть отталкивающе. Однако, подобно бабочке, которая бьётся разрывая кокон, чтобы взлететь, Кокаин был по-прежнему прекрасен.

Единственное, что немой мученик мог разделить с низвергнутым богом, это пустота во взгляде.

Губы Кокаина задрожали, и между ними прорвался тонкий стон. Он что-то бормотал. И тогда... по его высохшей щеке скатилась слеза.

Более роскошного приёма Яба не мог себе представить.

<http://bllate.org/book/14585/1293846>